

ВАЛЕНТИН ДЖУМАЗАДЕ

Ностальгические истории

Альтруист

Мы были знакомы со студенческой скамьи. Невысокий, склонный к полноте, словоохотливый, с открытым, улыбающимся лицом, он был самой заметной, колоритной фигурой среди однокурсников и импонировал мне своей энергией, общительностью, неиссякаемым оптимизмом. Он не пропускал ни одной театральной премьеры, был завсегдатаем различных литературных вечеров, «капустников», активно участвовал в общественной работе, но при этом оставался человеком исключительной скромности, и даже застенчивым.

У него не было проблем с успеваемостью, но его тонкая творческая натура была подвергнута постоянному воздействию различных увлечений, нередко носивших всепоглощающий и при этом относительно быстро проходящий характер. На какое-то время, к примеру, он мог быть целиком захвачен идеей изучить шумерскую письменность, и ничто другое в этот период его не интересовало. Затем приходили мысли доехать на велосипеде до Владивостока или переплыть Каспий на самодельном деревянном плоту, подняться на один из гималайских восьмитысячников, найти разгадку какого-то аномального природного явления и тому подобное. Любое из этих увлечений сопровождалось усиленным изучением проблемы, поиском соответствующих материалов по тематике и отнимало массу времени. При всем при этом, этот чудаковатый парень успевал хорошо учиться, выполнять поручения комитета комсомола, регулярно бывать в подшефной школе, собирать марки, разводить рыбок, лечить дворовых собак и кошек, ремонтировать соседям электроприборы, подрабатывать сторожем в детском саду.

Словом, жизнь его была до предела насыщенной. Я поражался, как он везде успевает. Он никогда никого ни о чем не просил, но сам, будучи по натуре очень отзывчивым, всегда с охотой помогал другим, причем делал это с искренним удовольствием. У него было счастливое качество: легко, без трагизма относиться к неудачам, разряжать напряжение в людских отношениях. Ему было дано свыше умение находить компромиссы в любых сложных ситуациях, и поэтому порой со стороны казалось, что он не идет по жизни, а пританцовывает.

Мы с ним никогда не поддерживали близких отношений, непосредственно общались мало, но от сокурсников я всегда слышал о нем добрые отзывы и относился к нему с подобающим уважением.

После университета наши дороги разошлись. Он был направлен в научно-исследовательский институт и, проработав там какое-то время, зарекомендовал себя перспективным ученым, защитил кандидатскую диссертацию. Казалось бы, его благополучное будущее было определено.

Но неожиданно для окружающих он оставил научную деятельность и стал инструктором райкома партии. Такой поворот в его судьбе меня очень удивил, а он с неизменной улыбкой увлеченно рассказывал о том, что истосковался по живому делу, возможности общаться и помогать людям, чувствовать каждодневную отдачу от своей работы. И действительно помогал. Я не раз слышал от однокурсников, что он и на партийном поприще, как это ни странно, оставался самим собой, чистой воды альтруистом. Мог посодействовать в трудоустройстве, пробить нуждающемуся путевку в санаторий, хлопотать с постановкой в очередь на квартиру, договориться с каким-

либо предприятием, учебным заведением о проведении торжественных мероприятий, взять на себя организацию похорон одинокого ветерана. Он горячо вступался за незащитных, по мере возможности оказывал содействие в решении бытовых вопросов, выступал инициатором встреч молодежи с участниками Великой Отечественной войны, передовиками производства. Ему нравилось делать добро, и осознание своей востребованности придавало ему моральные силы. Я часто слышал, как друзья шутили, что если бы хоть треть партийных деятелей была бы столь же отзывчивой и бескорыстной, то мы бы жили при коммунизме.

Последние лет двадцать мы с ним виделись эпизодически, иногда созванивались. Он оставался самим собой, никогда не жаловался, бодрился и с удовольствием строил планы на будущее. Я знал, что в постперестроечный период он вначале ненадолго остался без работы. Сбережений, как у всякого честного человека, у него не было и, в отличие от большинства бывших коллег по партийному цеху, циничных прагматиков, любивших поиронизировать на его счет и ставивших во главу угла свои корыстные интересы, ему надо было серьезно думать о своем трудоустройстве. Широкий круг знакомых и устойчивая репутация добросовестного, ответственного человека сыграли свою роль. По случаю его познакомили с одним из отставных вороватых госчиновников, предложившим ему работу в своей фирме, которой, собственно, еще не было, она создавалась. Ему предстояло наладить этот процесс, взять на себя всю ответственность. Он согласился, не колеблясь, ибо на тот момент ничего другого просто не было. В течение года напряженно трудился не покладая рук. Предприятие заработало и стало приносить прибыль. Он думал о дальнейших шагах по расширению и совершенствованию деятельности и был огорашен неожиданным сообщением, что в его услугах больше не нуждаются. Ему ничего не объяснили, не поблагодарили, а просто уволили. Пережить этот удар было сложно, но он не позволял себе заикливаться на обидах, предпочитал видеть свет в конце туннеля.

Но так уж случилось, что в последующие годы подобная ситуация повторялась несколько раз с печальной закономерностью. Обычно он с жаром брался за какие-то проекты, успешно реализовывал их, а когда процесс был запущен на полную мощность, рядом откуда-то появлялись нахрапистые люди, незаметно, но умело оттиравшие его в сторону, и он опять оставался не у дел. С ним легко расправлялись, тем более, что он никогда не подстраховывался, полностью, без оглядки доверял тем, с кем работал, не ставил своих условий по договорам, не навязывался в число учредителей фирм, не требовал своей доли в прибыли. Сталкиваясь с откровенным обманом, обычно мягко отстаивал свою точку зрения, не ввязываясь в противостояние, предпочитая тихо уходить в надежде на лучшее будущее. Его обижали, беззастенчиво эксплуатируя совесть, порядочность, беспардонно ввали, глядя в глаза. Он это хорошо понимал и все же продолжал верить в удачу, честные отношения, справедливость. Гарантированно оплачиваемая сносная работа, периоды относительного спокойствия и материального достатка сменялись несправедливыми увольнениями с печальной частотой. В конце концов он вынужден был продать квартиру, жена, упрекавшая его в бесхребетности и неспособности утвердиться, защитить себя, подала на развод. Он не обижался на нее, чувствуя свою долю вины за неспособность сопротивляться злу, безденежье, отсутствие стабильного заработка, но изменить кардинально ничего не мог, брался за любую работу, продолжая трудиться и надеяться на лучшее. А оно не приходило.

После длительного перерыва мы случайно встретились у входа на рынок. Он стоял на пронизывающем северном ветру, похудевший и ссутулившийся, в старомодном, поношенном пальто, поеживаясь от холода, то и дело поправлял потертый шарф на худой, вытянутой шее. Перед ним на земле в несколько рядов стояли разнокалиберные горшочки и коробочки с кактусами. Увидев меня, он очень обрадовался, его обычная обаятельная улыбка осветила осунувшееся, постаревшее лицо.

Мы разговорились. Он снимал комнатку в полуподвале и последние годы занимался разведением кактусов. Их продажа стала его единственным средством существования. Расспросив об общих знакомых, он стал рассказывать, как совершенно случайно увлекся кактусами, и что это за прекрасные цветы. Он без устали перечислял их разновидности, сорта и с видимым удовольствием рассказывал необычайно интересные вещи об этих растениях, а я смотрел на него, и к горлу подкатывал комок. Чтобы как-то материально поддержать его, я решил купить штук десять горшочков с цветами. Он обрадовался, оживился и за разговорами аккуратно уложил мне их в два пакета. На вопрос, сколько они стоят, он буквально отпрянул от меня:

– Ты что, о чем ты говоришь, какие деньги, мы же однокашники! Я вырастил эти цветы! Ты не представляешь, как я рад нашей встрече и тому, что мои любимые цветы будут жить в доме студенческого друга.

Слушая его, я думал, как несправедливо все сложилось. Жизнь обошлась с ним жестоко, но при всем при этом он остался самим собой, мягким, доброжелательным, душевным. Призвав на помощь всю свою изобретательность, я попытался объяснить, что лишь один цветок хочу взять домой, а остальные планирую отнести на работу, но он и слушать не хотел о деньгах. Я взял только один цветок, сказав, что насчет остальных девяти нужно все-таки обсудить, посоветоваться с сослуживцами. Он сразу согласился. Мы распрощались. За толстыми круглыми стеклами очков я видел его слезящиеся беззащитные глаза и ощутил слабое пожатие озябших тонких пальцев.

– Я рад был тебя видеть, – сказал он. – Передавай, пожалуйста, привет всем нашим, кого увидишь. Я по утрам обычно здесь, а живу вон в том доме напротив. Если что-то понадобится, заходи, спросишь меня во дворе. Рад буду, если смогу чем-либо помочь.

На следующий день я попросил свою жену купить полтора десятка кактусов. Она принесла их и еще целую кипу вырезок со статьями из различных специализированных и популярных журналов о кактусах, специфики ухода за ними, их целебных свойствах. Под ними стояла фамилия моего приятеля. Они были бесплатным приложением и одновременно его искренней заботой о покупателях и их кактусах.

Потом я несколько раз специально приходил увидеться с ним, пытался как-то поддержать морально и материально. От помощи он неизменно стеснительно отказывался, уверял меня, что у него все в порядке, он ни в чем не нуждается. Никогда не жаловался и говорил, что скоро закончит монографию о кактусах, и тогда все изменится, решатся многие бытовые проблемы. Возможно, откроет свою теплицу где-то за городом, будет организовывать выставки цветов, вести кружки с любителями-натуралистами.

Когда он умер, меня не было в городе, его похоронила одна из наших сокурсниц. В холодной маленькой комнатке осталась только рукопись, посвященная кактусам в несколько сотен страниц. Он писал до последней минуты своей несложившейся жизни, очень хотел успеть поведать миру как можно больше интересного о любимом цветке. Полуголодный, больной, одинокий, он в съемном, маленьком, сыром полуподвальном помещении продолжал верить в добро, надеяться и думать о прекрасном, не уставал мечтать, и неустанно писал. Спешил рассказать людям о чудесном, волшебном цветке, увлечение которым пришло на закате жизни.

Я часто вспоминаю его добрую, беззащитную улыбку. Он, несмотря на череду обрушившихся на него невзгод, шел к людям с открытым, щедрым сердцем, искренней готовностью прийти на помощь, поддержать в трудную минуту, поделиться последним. Был истинным альтруистом в душе даже тогда, когда в его жизни все складывалось крайне неблагоприятно. И уже отчетливо осознавая, что все надежды на лучшее давно в прошлом, он находил в себе душевные силы продолжать творить добро, оставаться самим собой...

Беседка

Рустам проснулся в крайне скверном расположении духа. Августовский дневной зной и изматывающая ночная духота действовали на него угнетающе. Скопив глаза на спящих в обнимку жену и трехлетнюю внучку, он улыбнулся, осторожно поднялся и на цыпочках, чтобы их не разбудить, осторожно вышел из комнаты. Приняв душ, наскоро перекусив и выпив чашку кофе, он запер за собой входную дверь и вышел на улицу.

Его выдавшая виды старенькая «шестерка» стояла недалеко от подъезда, и он с раздражением подумал, что она уже успела нагреться от жаркого утреннего солнца. Усевшись в нее, поправил зеркало заднего обзора и произвольно задержал взгляд на своем отражении в нем, с сожалением отметив, что за последнее время сильно сдал. В самом деле, он выглядел значительно старше своих пятидесяти лет. На него смотрели усталые воспаленные глаза, изрезанное морщинами худое лицо с резко опущенными уголками рта. Летнюю жару последние годы он переносил с трудом, мучился головными болями, страдал от сердечной недостаточности, но предпочитал не обращаться к врачам. Тешил себя успокоительными мыслями, что уйдет на пенсию и тогда займется здоровьем.

По привычке, сложившейся за долгие годы службы, он обычно приходил на работу к восьми часам. В кабинете вместе с ним располагались еще двое, оба значительно моложе него, хотя один из них уже успел стать старшим опером. Принявшись за рутинный разбор текущей документации, он не заметил, как пролетело время, и в десятом часу появились его молодые коллеги. Тот, который был старшим, невысокий, краснощекий, круглолицый толстяк, поздоровавшись, сообщил, что ему и Рустаму поручено незамедлительно заняться заявлением, поступившим вчера вечером, и в кратчайшие сроки, то есть завтра, доложить о результатах рассмотрения. С этими словами он положил перед Рустамом несколько листов бумаги с машинописным текстом и странной резолюцией начальства в правом верхнем углу.

– Ознакомьтесь, это заявление Гулиева. Вы, наверное, слышали про это нашумевшее дело. Его сын недавно утонул в бассейне, но отец не может с этим смириться и утверждает, что имело место убийство. Засыпал своими жалобами различные инстанции, требует дополнительного расследования, называет предполагаемых преступников. Надо реагировать, он человек известный и у него мощные связи.

Рустам молча пробежал глазами заявление и поднялся из-за стола, с неудовольствием думая о том, что придется-таки отдать себя во власть немилосердной жары и ехать через весь город заниматься так некстати свалившимся поручением. Они вышли на улицу, и знойный августовский воздух, смешанный с парами бензина и нагретого асфальта, пахнул в лицо. Рустам тяжело перевел дыхание, мысль о том, что весь день напролет предстоит провести под палящим солнцем, раздражала до крайности. Коллега, не говоря ни слова, направился к своему «Мерседесу», давая понять Рустаму, что приглашает его последовать за ним. Ехать с этим потливым и болтливым парнем, к тому же считавшим излишним соблюдать правила дорожного движения, Рустаму не хотелось. На этот случай у него была припасена прекрасная отговорка, которой он не преминул воспользоваться.

– Слушай, я подумал, нам обязательно понадобятся обе машины. На месте все равно придется работать поодиночке. Ты, как старший, возьми на себя общение с прокуратурой, это дело ответственное. Потом посмотри, что по интересующему нас вопросу есть в районном управлении полиции. Тем более, ты говорил, что заявление уже не первое. Возможно, возникнет необходимость увидеться с этим, по нынешним временам известным человеком. А я тем временем загляну к участковому, наведу справки о сыне заявителя, если смогу, переговорю с соседями.

С этими словами, не дожидаясь согласия, он направился к своей «шестерке», будучи безгранично доволен, что деликатно избавился от напарника и тактично отвел себе как бы второстепенное место, что, безусловно, польстило недалекому, но амбициозному толстяку, формально занимавшему более высокую должность.

Через час с небольшим, ругая немилосердную жару, Рустам прибыл в точку назначения – небольшой приморский поселок. Здесь, несмотря на близость моря, было жарко и довольно душно. Он выбрался из машины, остановив ее недалеко от участкового пункта. Рустам хорошо знал этот поселок и самого участкового. За годы службы не раз приходилось здесь бывать.

Поселок изменился, это сразу бросалось в глаза. Как грибы после дождя выростали высоченные, кичливые коттеджи, надежно обнесенные неприступными каменными стенами с множеством видеокамер. Он усмехнулся, подумав, что ранее часто используемый журналистами штамп об утопающем в зелени поселке можно было бы смело заменить другим – об утопающем в заборах и коттеджах.

Участковый инспектор, капитан Вагиф Рагимов, худой, чуть сутуловатый, с желчным лицом, встретил его радушно, как старого знакомого. Собственно, такими они и были, вместе начинали служить более четверти века назад. Широко улыбаясь, он обнял Рустама и обратился к нему с шутливой фразой:

– Неужели за более, чем двадцать лет, мне повезло, и ты наконец удосужился обратиться ко мне с просьбой помочь снять тебе с семьей дачу у моря на месяц?

– Не дожدهшься, ведь у меня есть собственный роскошный коттедж у моря, – в той же шутливой манере ответил Рустам. Участковый понимающе улыбнулся и пригласил его к письменному столу.

После обыденных фраз житейского характера и обмена текущими новостями Рустам перешел непосредственно к делу. Он спросил Рагимова, что тот может поведать об инциденте, произошедшем на территории его обслуживания, с утоплением парня в бассейне. Его отец обратился с заявлением, утверждая, что сына убили. В несчастный случай он не верит и требует дополнительного расследования.

Изменившееся выражение лица участкового было более, чем красноречиво. Он торопливо достал сигарету, чиркнул зажигалкой, прикурил и покачал головой.

– Скажу тебе откровенно, как другу, об утонувшем парне никто в поселке слова доброго не скажет. Спроси у кого хочешь. Всех против себя настроил. Что ни день, то конфликт. Вел себя вызывающе. По поселку гонял на машине на огромной скорости, совершил несколько аварий. В результате одной из них пострадавший девятилетний мальчик остался инвалидом, а виновный, как обычно, отделался легким испугом. Все ему сходило с рук: и оскорбления людей, и драки, и пьянки. В отсутствие родителей постоянно со своей компанией устраивал на даче шумные попойки с фейерверками. Как-то чуть не спалил соседский дом. До меня доходили слухи, что баловался наркотиками.

– И что же, на его художества никто не реагировал? – спросил Рустам. – Люди разве не жаловались?

– Еще как жаловались! В том числе и на меня, за бездействие. А что я мог сделать? Был случай, сосед сделал ему замечание, чтобы по ночам не шумел. Так он, разозлившись, перелез через забор и зверски избил пожилого человека. Меня вызвали, и я его за это доставил в отдел. Представь себе, его отец такой шум поднял, что потом меня чуть из органов не уволили, нервы измотали до предела. В конце концов вlepили неполное служебное соответствие за необоснованное задержание и успокоились. После такого оборота решил я уходить со службы. Все понимают, что наказали меня необоснованно, из-за этого мажора. Теперь с нетерпением жду, когда снимут взыскание, и уйду на пенсию. Никак не могу успокоиться. Прослужив честно и добросовестно, обидно увольняться с действующим взысканием, – сокрушенно вздохнул участковый.

Помолчав, он подрагивающими пальцами затушил в пепельнице сигарету и спросил:

– А что, в заявлении есть что-то про меня?

– Нет, я же тебе сказал, суть вопроса в том, что отец не верит в несчастный случай. Считает это умышленным убийством.

Участковый инспектор возмущенно развел руками.

– Вот оно как? Он не допускает возможности несчастного случая, а тем более самоубийства. А когда в этом же, его собственном бассейне нашли утонувшую девушку, никто даже не заикался об убийстве, сразу, без малейших колебаний определили как суицид либо несчастный случай, хотя там было не так все просто. А мне с моими сомнениями по этому поводу попросту в приказном порядке рот закрыли. Девушка, между прочим, оказалась беременной, и в заключении судмедэкспертизы это было зафиксировано.

– Когда это случилось с девушкой? – уточнил Рустам.

– Три месяца назад, это всем известный факт, весь поселок обсуждал.

– А что за девушка?

Рагимов пожал плечами.

– Обыкновенная – тихая, спокойная. Работала у его матери, как это сейчас деликатно называют, помощницей. Но реально домработницей, прислужгой. Обычное сейчас дело. Хозяева подолгу отсутствуют, у них шикарные апартаменты в городе. Они часто выезжают отдыхать за границу. Где-то там у них тоже недвижимость. Девушка поддерживала порядок, а в дачный период, когда приезжало семейство, готовила, занималась уборкой и прочей домашней работой.

– Кто-нибудь еще оставался в доме? – обдумав услышанное, спросил Рустам.

– Древний старик, он же сторож, жил в доме напротив, за садом и огородом присматривал, заодно и за двумя огромными собаками. Я со стариком побеседовал, он ее любил, как родную, расстроился ужасно, никак не мог успокоиться. Через неделю у него сердце не выдержало, скончался. Вдова его сказала мне под большим секретом, что муж как-то в сердцах обмолвился, что девочку могли утопить.

– И кого он подозревал?

– Не говорит, какой с нее спрос. Больше она ничего не знает.

– А ты лично что думаешь?

– Я? Что тебе сказать? Я много что думаю, только кого это интересует. Нельзя исключать возможность причастности к этому сына хозяев. Он осенью и зимой наезжал с различными компаниями развлечься. Там все могло случиться. Мог изнасиловать или просто соблазнить. Например, обещал жениться, а потом, узнав о беременности, убрал ее. Убедиться в правоте моих догадок без конкретного расследования невозможно. Хотя они витали в воздухе, люди перешептывались, отводили глаза, но подобная версия имела право на существование, напрашивалась сама собой. Эта семейка на все способна. Глава семьи, так называемый «успешный предприниматель», ворочает миллионами. Живет по принципу: «Хочу, чтобы у меня все было, но чтобы мне за это ничего не было». Наглый, циничный, подлый и, к сожалению, довольно влиятельный. Ты же знаешь, что уровень влияния в наше время напрямую зависит от суммы капитала.

«Но я знаю и другое, – подумал Рустам, глядя на своего разгневанного собеседника. – Незаконно, нажитое богатство является катализатором пороков, приводит к тяжким преступлениям со стороны нубагришей и их родственников».

Участковый нахмурился, лицо побагровело, и он продолжил.

– Они, мерзавцы, распустили слух, что девочка занималась проституцией. – Рагимов низко опустил голову, чтобы скрыть наворачившиеся слезы, и едва слышно произнес. – Я дни считаю, когда, наконец, взыскание снимут, тут же уйду. Душа болит, собственное бессилие давит, как могильный камень. Раньше говорили о пре-

словутом телефонном праве, нынче же всему хозяева деньги. При их наличии найдутся и услужливые адвокаты, и судьи. Мне на себе пришлось испытать смысл фразы «прав тот, у кого больше прав». Вот так-то. У нас опер молодой, сынок какой-то известной персоны. У него костюмы не костюмы, машины не машины, на работу не приходит, а заглядывает. При всем при этом начальник отделения перед ним всячески заискивает. Я как-то не выдержал и сказал ему об этом. Представляешь, он, несколько не смутившись, наставительно ответил, что лучше перекланяться, чем недокланяться, только здоровее будешь. Ты, мол, этого не понимаешь, думаешь старыми категориями, поэтому выше капитана и не поднялся.

– Мне это знакомо, – ответил Рустам. – Я сейчас с таким же приехал. Упитанный, плохо воспитанный, но перспективный. За идею, как мы, работать не будет, поскольку ее у него нет и вряд ли появится.

Они помолчали, думая каждый о своем. Наконец участковый инспектор спросил.

– Ты сейчас возвращаешься в город?

– Да, пора.

– Может, перекусим, а то когда еще встретимся?

– Нет, поеду.

– Тогда не ленись, поезжай вдоль этой улицы. Впереди, метрах в трехстах отсюда, с правой стороны увидишь дворец. Полюбуйся, не пожалеешь, наша достопримечательность, творение современности.

– Что за дворец? – недоуменно переспросил Рустам.

– Собственность поганого семейства, о котором мы с тобой говорили, – ответил участковый.

Они распрощались, и Рустам, в сердцах поругивая жару, сам не зная, почему, по инерции последовал его совету. Он чувствовал себя отвратительно. Услышанное от участкового, когда-то образцового служаки и принципиального сотрудника, вкупе с усиливающимся полуденным пеклом, действовали на него угнетающе. Собственная роль во всем происходящем вокруг казалась ему унижительной. Получается, никто серьезно не занимался этими двумя случаями и, судя по всему, не намерен, а время катастрофически упущено.

Своему напарнику он решил позвонить в конце дня и проинформировать о выполнении своей части общего поручения. Около указанного Вагифом места увидел огромную, безвкусную каменную махину, чертыхнулся и развернул машину, чтобы ехать обратно в город.

Но тут его внимание привлекла шедшая по тротуару худенькая старушка с тяжелыми пакетами в руках. Она с усилием переставляла ноги и, казалось, вот-вот упадет. Он вышел из машины и поспешил к ней, предложив свою помощь. Она поблагодарила, ответив, что почти пришла. Но глядя на ее бледное от усталости, потное лицо, он, тем не менее, не обращая внимания на ее робкие протесты, проявил настойчивость, взял у нее пакеты и, кляня в душе нестерпимую жару, медленно пошел рядом с ней. Они миновали высоченные, мрачные, возведенные, что называется, на века стены уже известного Рустаму дворца, и старушка остановилась, перевела дыхание, и облегченно произнесла:

– Вот мы и дошли. Спасибо, сынок!

Пока она отпирала дверь, Рустам огляделся, вытирая платком струившийся по лицу пот. Оказывается, бабушка жила рядом с особняком и, следовательно, была соседкой хозяйна бассейна. У него мелькнула мысль поговорить с ней, но он без колебания отбросил ее. Участковый достаточно полно обрисовал ему как самого заявителя, так и его сына. Рустам, промедлив, собрался уходить, но благодарная старушка по-своему истолковав его замешательство, пригласила зайти во двор отдохнуть и выпить чайку. Поколебавшись, он проследовал за ней в маленький уютный дворик, встретивший его желанной прохладой и свежестью.

В центре двора стоял старенький одноэтажный домик, окруженный фруктовыми деревьями и зелеными грядками с овощами. По периметру забора радовали глаз ухоженные клумбы с разнообразными цветами. Эту благодатную картину дополняла и украшала ажурная, со вкусом сделанная, четырехугольная свежеевыкрашенная деревянная беседка. Усадив в нее гостя, старушка принесла ему стакан воды, предупредительно сообщив, что чуть погодя подаст чай.

Рустам с жадностью почти залпом выпил холодную ключевую воду и впервые за весь день почувствовал какое-то внутреннее облегчение. Вытирая постоянно выступающий пот, он глубоко вдыхал прохладный, чистый, наполненный запахом цветов и фруктов воздух. Хозяйка предложила ему умыться, подала полотенце, и он с благодарностью согласился. Тем временем на столике в беседке появилась белоснежная скатерть, а на ней чай и блюдец с вареньем.

Рустам, наслаждаясь прохладой и тишиной, не торопясь, смакуя, с удовольствием выпил несколько стаканов. Он не прочь был просидеть здесь до вечера и даже, наверное, вздремнуть, очарованный уютом и расслабляющим спокойствием обстановки. Трудно было поверить, что за пределами этого оазиса царила удушающая жара и агрессивная житейская суета. Вставать не хотелось, но и злоупотреблять гостеприимством было неловко.

Пересилив свое желание посидеть еще немного, он, сердечно поблагодарив хозяйку за гостеприимство и радушие, собрался уходить. Желая на прощание в знак благодарности сделать ей приятное, он с похвалой отозвался об ее ухоженном дворике и особенно об уютной, мастерски сделанной тенистой беседке.

Неожиданно для него при упоминании о беседке старушка расстроено сморщилась и стала всхлипывать. Обескураженный не на шутку Рустам, не зная, что и думать, растерялся, ругая себя за излишнюю разговорчивость. В воздухе повисла неловкая длительная пауза. Понемногу успокоившись, старушка произнесла дрожащим от волнения голосом.

– Я эту беседку очень люблю, называю ее Реночкиной. Бедная девочка у этих работала, – указала она в сторону соседского дома. – Там и погибла.

Рустам молчал, и она продолжила, видимо, испытывая потребность высказаться.

– Добрая, воспитанная девочка. Мы по-соседски общались и постепенно сблизились. Она иногда ко мне заглядывала, предлагала помощь по хозяйству, особенно осенью и зимой, когда хозяева отсутствовали. Девушка работающая, чистоплотная. А ее хозяйка заносчивая, на редкость сварливая и злобная, такой нелегко угодить. Реночка своей добротой и покорностью с любым могла поладить, и к ней претензий не было даже от этой зазравшейся мегеры. Понятно, что девочка дорожила местом, на хорошую работу устроиться нелегко. Она из соседнего поселка, жила там с матерью.

Встретив неожиданно для себя внимательного собеседника, пожилая женщина, вытирая платком слезы, почувствовав потребность поделиться своими переживаниями, рассказала, как сблизилась с девушкой, привыкла к ней, и произошедшая с ней трагедия ее чрезвычайно потрясла.

– И вот, представьте себе, вновь случился несчастный случай, уже второй, в этом же бассейне, – повысила она голос. – На этот раз утонул сын хозяина. Люди по-разному говорят, рассказывают даже, что пьяный был, а все равно жалко. Мне от этого бассейна одно беспокойство. Парень был хулиганистый. Часто среди ночи музыку включал, да так, что деревья дрожали. С компанией таких же, как и он, приятелей пьянствовали, до утра гуляли, орали, ругались, пустые бутылки ко мне в огород через забор бросали, ужас один. Я сколько раз жаловалась участковому, а он отмалчивался, никаких мер не принимал. Я на него не в обиде, понимаю, боялся связываться.

Простодушная старушка помолчала, глядя на своего собеседника, довольная тем вниманием, с каким он ее слушал.

Собравшись с мыслями, она пылливо взглянула на Рустама, словно ища в нем сочувствия, и продолжила.

– А беседку эту еще муж мой своими руками сделал, душу в нее вложил. Долго возился, но не зря. Уж очень она красивая была. С годами сильно покосилась, потемнела, подгнила и могла упасть. Меня еще Реночка предупреждала быть осторожной и обещала, что непременно попросит брата ее отремонтировать, когда тот вернется из армии. Представьте, какая отзывчивая, добрая душа. Ее желание мне помочь оказалось настолько искренним и сильным, что сбылось уже после ее смерти. Послушайте, какой загадочный случай со мной и с этой беседкой произошел.

Старушка оживилась и увлеченно продолжила свой рассказ.

– Иду я вечером домой из магазина, ко мне парень подходит, вежливо так предлагает сумку донести, ну вот как вы сегодня. Я и согласилась. Пришли мы во двор, он положил сумку на землю, осмотрелся и говорит: «Бабушка, не боитесь около беседки ходить, в любую минуту рухнет.» Я ответила, что ничего не поделаешь, отремонтировать дорого. Он улыбнулся: «А хотите, я вам бесплатно сделаю?» Подошел ближе, внимательно рассмотрел беседку, после чего сказал мне, что сам он строитель, занимается ремонтными работами. Попросил пустить его квартирантом на месяц и пообещал за этот период в свободное время заняться беседкой. Я, говорит, с удовольствием приведу ее в порядок. И действительно, слово свое сдержал. Завез новый материал, но и старые, резные перегородки сохранил, ни одна реечка не пропала. Делал все сноровисто, аккуратно, с выдумкой. Руки у парня оказались золотые, но какой-то неразговорчивый, замкнутый. С раннего утра приступал к ремонту, потом уходил на работу и вечером опять продолжал возиться во дворе с беседкой. Мне постоянно казалось, что я и раньше где-то видела его лицо, оно мне почему-то казалось очень знакомым, мучилась, но не могла вспомнить. А на мои расспросы он только улыбался.

Старушка, видимо поймав себя на том, что чересчур разговорилась и задерживает своими рассказами незнакомого человека, умолкла, но, не в силах сдержать свое желание завершить рассказ, продолжила.

– Скажу я вам, делал он все добросовестно, не спешил, пол в беседке зацементировал, скамеечки новые сделал, крышу черепицей покрыл. Я его отговаривала покупать дорогие стройматериалы, а он отмалчивался. Мне нравилось смотреть, как он умело работает. Красиво все получилось. Завершив беседку, он принял за хозяйственный сарайчик. Тогда же меня предупредил, что может неожиданно уехать, так как получил новый заказ на работу, хотел отдать деньги за проживание. Я отказалась, как-то нехорошо получилось. Он беседку бесплатно сделал. Наоборот, я ему должна была. Парень на редкость дисциплинированный, предупредительный. Обычно днем он уходил в девять часов, а к пяти возвращался. До и после этого времени занимался по хозяйству во дворе, всегда работу себе находил. К сожалению, перед отъездом у него неприятность произошла. Я рано утром вернулась с базара, а он подошел попрощаться. Завтракать отказался, спешил очень. Его где-то ждали друзья, и он боялся опоздать. Перекинул сумку через плечо, повернулся, а с левой стороны по всему лицу царапина. Я спросила, что случилось, а он ответил, что на куст наткнулся. Проводила я его, села в беседке, а там сто манатов на столе лежат. Мало того, что за беседку ничего не взял, так еще и заплатил за квартиру. Неудобно как-то получилось. Вот какие люди бывают, – наставительно завершила свой рассказ старушка.

Рустам, доселе с нетерпением ожидавший возможности под благовидным предлогом еще раз поблагодарить старушку за гостеприимство и откланяться, застыл, будто пораженный внезапным оцепенением. Иногда в жизни происходят непостижимые, не поддающиеся логическому объяснению вещи. Неужели случайная встреча со старушкой, ни к чему не обязывающее его формально-вежливое, комплиментар-

ное замечание о беседке помогут приоткрыть тайну, поскольку дали такой мощный импульс для размышлений и богатейший материал для анализа? Что это, возможно, пресловутая оперская удача? Здесь есть над чем серьезнейшим образом подумать. Кто этот неизвестно откуда появившийся парень с лицом, кого-то напомиавшим старушке и филантропским предложением отремонтировать ее беседку. Наверное, можно предположить, что это брат погибшей девочки, поэтому и лицо показалось знакомым. Вероятно, она писала ему о знакомстве с доброй, приветливой, пожилой, одинокой соседкой и упомянула о беседке. Иначе кто бы все это делал бесплатно, а вот в память о сестре это возможно. Царапина на лице тоже вызывает вопросы. На лицо череда странных и необъяснимых совпадений, требующих глубочайшего анализа и целого комплекса проверочных действий.

С трудом сдерживая охватившее его волнение, Рустам как можно спокойнее, чтобы не насторожить старушку, почти безразличным тоном спросил:

– А когда уехал ваш постоялец?

– Первого августа, я точно запомнила, потому что в этот день сын соседей в бассейне утонул. Ну, тот, про которого я вам рассказывала.

Неужели все так просто, – подумал Рустам. Предположим, парень пришел к старушке, чтобы выполнить просьбу сестры, и уже на месте у него зародилась мысль отомстить за нее. Еще бы, злодей в десятке метров от тебя за стеной плавает в бассейне, наслаждается жизнью. Наблюдая за ним, надо было только набраться терпения, дожидаться удобного случая, воспользоваться расслабленностью жертвы, эффектом неожиданности, прыгнуть следом, схватить и придержать его за плечи под водой какое-то время. Тот, застигнутый врасплох, не смог оказать должного сопротивления, оставив только, скорее всего, судорожным движением царапину на лице нападавшего. На основании имеющихся данных об утонувшей девушке, несложно получить установочные данные ее брата и начинать работать по версии, которая напрашивается сама собой.

Рустам быстро достал телефон и набрал номер своего коллеги, с нетерпением ожидая ответа, но абонент был занят. Лишь через десять минут, после третьей попытки сослуживец наконец ответил. Голос был глуховатый, но веселый. Коллега был не один. Оказалось, обедал в прибрежном ресторане с сотрудниками отдела и, приличия ради, пригласил Рустама присоединиться к ним.

– Ты что-нибудь выяснил? – нетерпеливо перебил его Рустам.

– Что тут выяснять? – слышался раздраженный ответ. – Посоветуем провести дополнительные оперативно-розыскные мероприятия. Нечего здесь заморачиваться, завтра поговорим, а сегодня немного расслабимся.

Рустам с досадой дал отбой и обратился к старушке.

– С вами по поводу несчастного случая кто-нибудь из полиции говорил?

– Да, участковый, и с ним молодой мужчина. Спрашивали, не слышала ли я чего, каких-нибудь криков? – старушка развела руками. – Откуда я могла слышать, но если бы и слышала, не сказала. – Перехватив вопросительный взгляд Рустама, простодушно улыбнулась. – Разве я не права? На нет и суда нет.

– Да, молчание золото, – потупив взгляд, размышляя о чем-то своем, пробормотал Рустам и, попрощавшись со старушкой, вышел на накаленную до невозможности улицу с неприятным запахом расплавленного асфальта, уселся в нагретую, как утюг, машину и, погруженный в свои невеселые мысли, поехал домой.

В дороге он продолжал обдумывать услышанное, испытывая при этом какое-то неясное, неизъяснимое, доселе неведомое ему беспокойство. Загадочно как-то все это выглядит, – рассуждал он. Его собственное, невинное, ни к чему не обязывающее замечание по поводу беседки обернулось таким неожиданным результатом. Напрашивался, казалось бы, очевидный вывод – брат отомстил за сестру. Царапина на лице еще одно тому свидетельство, но с другой стороны, это только предположение, а

может, вообще не брат, а обычный квартирант, по доброте душевной оказавший помощь старушке и не имеющий ни малейшего отношения к этой истории.

Но если рассматривать два утопления в одной связке? Есть ли какие-то весомые гипотетические основания считать, что они взаимосвязаны? Сплошные загадки. Нельзя, к примеру, исключать предположение, что это просто два несчастных случая или же два суицида, причем оба без какой-либо криминальной подоплеки.

В любом случае время упущено очень сильно. Раскручивать все это заново будет непросто. Даже убедившись внутренне по каким-то косвенным факторам, что парень – убийца, доказать это крайне нелегко, ибо ранее проведенными следственными действиями и оперативными мероприятиями ничего существенного не установлено. Если парень не дурак, он понимает, что против него ничего нет. Уповать на то, что он пойдет на признание при отсутствии улик бесперспективно. В уголовном мире существует такая присказка: «Облегчил совесть – усложнил себе жизнь».

Нет, здесь нельзя рассчитывать на позитивный результат без кропотливого расследования каждого эпизода. Надо последовательно проанализировать каждый элемент, изучить все без исключения имеющиеся по делу материалы, заключение судмедэкспертизы.

Если увязать оба несчастных случая, приняв за основу версию об утоплении девушки парнем, впоследствии ставшим жертвой другого, по сути, аналогичного преступления, то есть умышленного убийства способом утопления, то выстраивается определенная канва. Убитый парень вызывает мало сочувствия, судя по тому, что о нем рассказывают, и образу его жизни. Нельзя исключать, что убить его мог кто-нибудь из ближайшего окружения. Компания у него разношерстная, в их среде наверняка возникали всевозможные конфликты. Все «за» и «против» непримиримо пикировались в его в голове, противоречили друг другу и требовали досконального, детального анализа, а, как известно, дьявол кроется именно в деталях. Несомненным выделось то, что ни одно из многочисленных предположений нельзя было с уверенностью отвести.

Увлеченно полемизируя с самим собой, он не заметил, как добрался до дома. Увидев расстроенное лицо жены, без всяких расспросов понял, что диагноз, ранее поставленный внучке, подтвердился, и ее срочно нужно везти на операцию в зарубежную клинику. До этого оставалась зыбкая надежда, что можно обойтись без операции, но состояние ребенка ухудшалось. Требуемая для поездки и лечения сумма была для него и родителей ребенка неподъемной, и сразу собрать ее было нереально.

Обсуждать эту тему не хотелось. Оставался единственный вариант – принять предложение своего бывшего сослуживца, устроившегося телохранителем у какого-то толстосума, присоединиться к нему и работать в паре с ним. Зарплата несравненно выше, плюс пенсия. Пообещав подумать, Рустам до сих пор не мог решиться оставить службу. Еще бы, в ней он видел свое призвание и совершенно сознательно посвятил ей большую часть жизни. Работал с полной самоотдачей, не жалея ни сил, ни здоровья. Но теперь от прежнего оптимистического настроения не осталось ничего, кроме разочарования в своих прежних идеалах.

Вечер и ночь прошли беспокойно. Он заново переживал события прошедшего дня. Часто выходил на балкон курить, мучился от бесконечной жары, тяжелого влажного воздуха, ежеминутно вспоминая беседку с ее тишиной и освежающей прохладой. Утром, невыспавшийся и разбитый после душевной, безветренной ночи, как обычно, к восьми, он уже сидел за рабочим столом. Не давшему ему покоя противоречивые мысли, связанные с дальнейшими действиями по заявлению, назойливо беспокоившие его всю ночь, никак не хотели отступать. Незаметно для него пролетели полтора часа, а он продолжал сидеть, словно в каком-то ступоре.

После девяти появился его молодой коллега с всегдашним выражением самодовольства на лице и, поздоровавшись, осведомился, есть ли какие-то соображения

по поводу вчерашнего заявления. Не дожидаясь ответа, как о чем-то давно решенном, добавил, что ему через пятнадцать минут идти на доклад к начальству и, с его точки зрения, целесообразно отписаться общими словами о том, что с изложенными в жалобе фактами досконально ознакомились на месте, но они не нашли своего подтверждения.

Рустам, поколебавшись долю секунды, хотел что-то сказать, но неожиданно для себя самого сдержался и согласно кивнул головой, подумав вдруг, что, как это ни парадоксально, в жизни ему не раз приходилось сожалеть о сказанном, но почти никогда о том, что промолчал.

Его коллега принял все, как само собой разумеющееся, неторопливо, с присутствием ему осознанием собственной значимости, отправился на доклад. А Рустам тем временем продолжал нервно анализировать свой поступок, несовместимый с его собственными моральными принципами. Куда девалась прежняя принципиальность, упорство в отстаивании своего мнения, заряженность на поиск истины, внутренняя энергетика с присущей ему нацеленностью на максимальную умственную погруженность в круговорот версий и непреодолимое желание найти их развязку. Он всем своим существом чувствовал произошедшую с ним за последние годы трансформацию в восприятии мира, деформацию сознания, вследствие чего он превратился в некоего интроверта, стороннего наблюдателя за происходящим вокруг него. И это было печальной правдой, которую он вынужден был признать. Более ее невозможно игнорировать и продолжать обманывать себя, думая, что все осталось, как прежде.

Он с горечью осознавал, что истина и справедливость, сама идея правосудия с некоторых пор утратили свое первоначальное, исконное содержание в контексте социальных отношений, приобретающих неприкрытый сословный характер с преобладанием факторов, крайне негативно влияющих на общепринятый порядок, общественное сознание, моральные ценности и правовые устои. Рустам четко для себя уяснил, что теперь уже не может обладать казавшимся еще не так давно неоспоримым правом действовать от лица справедливости и правосудия сообразно их содержанию. Работать, как прежде, было невозможно, ибо престиж права в глазах людей упал предельно низко, а закон, к сожалению, утратил свое императивное влияние на их образ мысли и поведение.

Коллега вернулся с доклада в приподнятом настроении, сообщив, что начальство без обсуждения согласилось с его предложением закрыть дело. Рустам равнодушно кивнул и ничего не ответил. Во время обеденного перерыва он, вопреки обыкновению, решил выйти на улицу. Городом правила немилосердная жара. Воздух пропах пылью и гарью от проезжающих машин, но Рустам словно не замечал этого, его буквально наполняло ощущение спасительной прохлады и благодной тиши беседки. Погуляв минут двадцать, он вернулся к себе и без малейшего сожаления написал рапорт об увольнении из органов внутренних дел на пенсию по выслуге лет. Затем отнес его в канцелярию, попросив передать руководству. После чего с облегчением вздохнул и, не возвращаясь в кабинет, отправился домой, уже не испытывая изматывающей, тягостной, удушающей жары. Он с радостью и удивлением почувствовал легкое дуновение прохладного воздуха беседки.

Гастарбайтер

Так уж повелось, что первую часть пути обычно думаешь о тех, кто остался, кто тебя провожал, а вторую – о том, что тебя ждет в месте назначения. Вот и Самир, уложив свою небольшую дорожную сумку на багажную полку, удобно устроившись в кресле, закрыл глаза, погружившись в воспоминания о малейших подробностях трехдневного пребывания в родительском доме.

Эти поездки домой носили систематический характер на протяжении последних четырех лет. Как правило, он отпрашивался на пять дней, больше не получалось. Накупив подарков для всех членов семьи, летел домой, переполненный гордостью от сознания того, что заработанные им деньги являются существенным подспорьем для живущих в нужде родных.

Первые минуты встречи всегда бывали особенно волнительными. Сдержанные объятия отца-инвалида, слезы радости матери и бабушки, оживленные лица сестренки-близнецов. После обмена приветствиями они будут долго сидеть за обеденным столом и внимательно, не перебивая, слушать его рассказы о московской жизни. А он в подробностях станет описывать свое житье-бытье. Они, каждый по-своему, будут представлять себе его в тех далеких от них краях. Домашним есть, чем гордиться. Еще бы, Самир за короткий срок многого добился, причем исключительно собственными силами, без чьей-либо поддержки, а это о многом говорит. Все-таки есть справедливость на свете. Он работает в солидной строительной компании начальником отдела. Ему поручают самые сложные объекты. У него неплохой заработок, благодаря чему он купил себе в престижном районе Москвы изолированную квартиру с улучшенной планировкой, обставил мебелью, приобрел новый «Мерседес».

Им приятно, что Самир на хорошем счету у руководства, находится в резерве на повышение, постоянно получает премии, почетные грамоты. Ему несколько раз делали заманчивые предложения с серьезным продвижением вперед, но он пока раздумывает, поскольку привык подходить ко всему обстоятельно, всесторонне взвешивать. Приходится постоянно работать над собой, повышать квалификацию, он прошел несколько тренингов для менеджеров, изучает английский. Свободного времени мало, но он успевает посещать театры, ездить на экскурсии. За эти годы у него сложился круг состоятельных друзей, многие из которых успешно занимаются бизнесом, имеют собственное дело.

После довольно подробного рассказа о себе Самир уходит отдыхать в соседнюю комнату и сквозь сон еще долго слышит, как родители и бабушка живо обмениваются впечатлениями, делятся своими мнениями об услышанном. Отец с нескрываемым удовольствием и гордостью повторяет слова, сказанные сыном об успехах на работе. Сам он тоже трудился строителем, но после аварии на производстве получил тяжкие увечья, лишившие его возможности работать. Он с видом знатока обстоятельно объясняет матери и бабушке Самира, как сложно и ответственно возводить многоэтажки. Ведь в процессе приходится решать массу проблем, отвечать за профессионализм, трудовую дисциплину, безопасность людей, исправность техники, качество исполненных работ, укладываться в установленные сроки.

Они в один голос одобрительно поддакивают и исподволь сводят разговор к тому, что сыну пора обзавестись семьей. Негоже дипломированному специалисту, четыре года назад окончившему с отличием строительный институт и занимающему довольно высокую должность, имеющему хороший заработок, собственную квартиру и машину, оставаться холостяком. Отец в целом их поддерживает, при этом снисходительно объясняя, что об этом непременно нужно подумать несколько позже. Пусть пока не спешит. Тверже встанет на ноги, прочнее укрепит авторитет в глазах людей, заручится поддержкой влиятельных знакомых. С ним с готовностью соглашаются. Беседа еще долго продолжается в том же духе, но Самир уже засыпает, голоса удаляются все дальше, и он их уже не различает.

Следующие два дня он отдыхает. Предложил было помочь отцу по хозяйству, но тот и слушать не стал: приехал на несколько дней – отдыхай. Мать и бабушка ухаживают за ним, как за маленьким, поочередно уговаривают отведать чего-нибудь вкусненького, попить чайку с вареньем. Сестренки его немного стесняются, стараются не шуметь, заглядывают в глаза, пытаются угадать в них малейшее желание, и стремятся, наперегонки бросаются его выполнять.

В день отъезда он тепло обнимется со всеми своими домочадцами и с легкой спортивной сумкой покинет родной двор. Из деревни до райцентра за час с небольшим доберется на попутке, а дальше междугородним автобусом в Баку, откуда поздним вечером вылетит в Москву.

Мерный гул самолета привычно убаюкивает. Самир иногда посматривает на часы. Большая часть пути позади, осталось лететь около часа. В Москве уже наступила глубокая ночь. Нужно будет дожидаться утра и первым автобусом добраться до города, потом нырнуть в метро и успеть к половине восьмого на работу, чтобы начать очередной этап московской жизни.

Его отпустили лишь на пять дней, с условием, что если опоздает, лишится работы, не помогут никакие объяснения. Людей не хватает, а сроки сдачи строящегося объекта давно нарушены. Самир воочию представил себе вечно недовольную физиономию бригадира гастарбайтеров, выполнявшего, скорее, функции надсмотрщика. Выдавая зарплату, он нередко обсчитывает, на свое усмотрение немилосердно штрафует за малейший проступок. Рабочий день будет длиться до полного выполнения, как правило, завышенного объема работ.

К вечеру замерзший, полуголодный Самир чувствует себя обессиленным. Поужинав с ребятами в строительном вагончике, он сразу укладывается спать, чтобы к утру успеть восстановить силы. Поутру, в любую стужу, нестерпимый зной, под дождем и при сильном ветре Самир будет добросовестно делать свое простое дело, крепить арматуру, сбивать опалубку, заливать бетон. При этом ни разу не пожалует о том, что когда-то, не колеблясь, отклонил предложение одного из знакомых оборотистых парней устроиться работать в торговую точку.

Каждый вечер перед сном Самир будет продолжать подсчитывать в уме, сколько на этот раз понадобится заработать, чтобы в очередную свою поездку домой привезти не только деньги на пропитание и подарки, но и на капитальный ремонт их старого саманного дома, построенного еще дедом.

Самир представляет, как опять будет рассказывать родителям о своей полной интересных событий жизни, достигнутых успехах, радужных планах. Он делает это, прекрасно понимая, как им, задавленным нуждой, важно испытывать чувство гордости за сына, и только поэтому позволяет себе вводить их в заблуждение. Родные искренне радуются его достижениям, положению в обществе, и с надеждой думают о его благополучном будущем. Мысли об успехах сына придают им дополнительные силы и крайне необходимую уверенность в завтрашнем дне. Парень это хорошо понимает и ему не стыдно за свою, по сути, невольную и одновременно невинную ложь. Несмотря на все тяготы, социальную неустроенность, в душе у него все-таки еще продолжает сохраняться хотя и эфемерная, но надежда на возможность изменить к лучшему свою жизнь. И это придает ему силы.

Металлические двери

Провожая мужа на работу, Земфира задержала его руку в своей и извиняющимся голосом напомнила, что вечером нужно отдать деньги за новую металлическую входную дверь в подъезде. Агиль выслушал ее, не скрывая неудовольствия, и вышел, ничего не ответив.

Идея соседней заменить еще прочную деревянную дверь на металлическую вызвала у него сильнейшее раздражение. Что за повальное увлечение? Четырнадцать квартир из пятнадцати в их подъезде уже отгородились от внешнего мира массивными стальными, бронированными чудовищами, мрачно взиравшими на проходящего. Резкий лязг открывающихся либо закрывающихся засовов, громыханье сейфовых замков вызывало у него самые неприятные ассоциации. Глядя на эти творения тюремного стиля, несложно было представить их воздействие на психику.

Возмущало Агиля и то, что кое-кто считал для себя возможным довольно бесцеремонно интересоваться, почему он до сих пор не поменял деревянную дверь на металлическую. Эпидемия какая-то, да и только. Хотя, возможно, она вызвана возросшей нервозностью, настороженностью, агрессивностью общества, связанного с нарастанием криминализации.

А у Агиля в памяти еще оставались воспоминания о прежних, легких, дощатых и диктовых дверях и придверных ковриках, под которыми люди доверчиво оставляли ключи от квартиры. Зачастую двери вообще не запирались. Уходя ненадолго, по-свойски предупреждали соседей по лестничной клетке, чтобы присмотрели, пока кто-нибудь из домашних не вернется. И ничего, жили. Ходили к соседям в гости, при необходимости оставляли у них детей, вместе сердечно отмечали семейные торжества, поддерживали друг друга в беде.

Будучи принципиальным врагом металлических дверей, Агиль выходил из себя при упоминании о них. Их вид коробил его, как и многое из того, с чем приходилось ежедневно сталкиваться. Металлические двери стали для него олицетворением так называемых демократических преобразований. Если в собственной квартире он был волен сам принимать решения, то в подъезде, хочешь не хочешь, надо считаться с мнением большинства. А если ты с ним не согласен?

Дело, конечно, не только в дополнительной, бессмысленной с его точки зрения трате денег. Хотя и это немаловажно. Но главное в другом. С какой стати он должен оплачивать чьи-то фобии? Врагов у него не было. Причин прятаться от людей он не видел, нуворишем не был. Работая сварщиком, был целиком поглощен вопросом материального обеспечения семьи и воспитания детей. На работу он пришел в расстроенных чувствах, и проклятая металлическая дверь весь день не выходила у него из головы. Будучи по образованию архитектором, он не переставал с возмущением взирать на превращение человеческого жилья посредством бездумных установок заградительных металлических дверей и решеток в бункеры, напрочь уничтожающие эстетику и предназначение жилища, несомненно, влияющие на необратимое изменение психотипа их обитателей. По подъезду становилось жутко ходить, словно по обезлюдевшему сырому подземелью. Никогда не знаешь, что произойдет или происходит за той или иной угрожающего вида дверью. Поэтому не терпелось как можно быстрее преодолеть привычную дистанцию до своей квартиры. Что за наваждение? Чем оно вызвано? – тщетно пытался разобраться Агиль. Вездесущие охранники, полосатые шлагбаумы, металлические двери, максимально зарешеченные балконы представлялись ему символом пирровой победы псевдодемократии с навязываемыми ее адептами ценностями.

Неслучайно в последнее время жене даже стало казаться, что за деревянной дверью, как рудиментом прошлого, становилось небезопасно, ибо она не соответствовала новым веяниям и из-за этого выглядела вызывающе. Но все просьбы жены Агиль пропускал мимо ушей и игнорировал.

Для него вопрос стоял принципиально, и отступать от своих убеждений он был не намерен ни при каких условиях. Проблема гипертрофировалась, и суть ее состояла уже не просто в деревянной или металлической двери, а переросла в философское представление об образе и укладе жизни. Он как бы утверждал, что ему нечего прятать от людей. Весь сгусток жизненных перипетий постепенно сосредоточился для него на этой двери, ставшей своеобразным камнем преткновения. Он искренне полагал, что его отношение к интервенции металлических дверей в социум является взвешенной, объективной реакцией здравого смысла на циничное глумление над здравым смыслом. Предельно раздражала сама мысль о том, что его пытаются принудить ходить к себе домой через тяжелые и холодные металлические двери. Бессмысленность затеи соседей была очевидной. Ссылка на необходимость кода вообще смехотворна.

С раннего утра и до позднего вечера по подъезду шныряли шумные, навязчивые торговцы фруктами, овощами, различной фурнитурой, явно ворованными сервизами и наборами электротоваров, распространители рекламных листов. Код дверного замка не представлял для них никаких препятствий.

Один из выходных дней Агиль полностью посвятил своей квартирной двери. Он тщательно зашпаклевал, отшкурил ее, проолифил и покрасил в бежевый цвет, предварительно тщательно смазав маслом старый английский замок. Трудно было не согласиться, что дверь его выглядела наряднее и уютнее соседствующих с ней монстров. Агилю казалось, что тем самым он расставил все точку над «i» в споре с экспансией металла. Он было успокоился, но его раздражительность усилилась на следующий день после случайно услышанной фразы соседа, по обыкновению ни с кем не считаясь громко разговаривавшего по мобильному телефону. В качестве точного ориентира для собеседника тот указал, что его квартира расположена прямо напротив деревянной двери бежевого цвета.

Что за напасть, – думал Агиль. – Наша обыкновенная дверь становится достопримечательностью, раритетом. Его и без того неважное настроение вконец испортилось за ужином, когда старшая дочь, поддерживаемая сочувственными взглядами жены и сына, завела речь о двери. В ожидании ознакомительного визита родителей ее будущего жениха злополучная дверь казалась девушке ущербной, жалким пережитком прошлого, и не лучшим образом влияла на имидж семьи во мнении окружающих.

– Тогда и я покажусь им пережитком! – с возмущением произнес Агиль и вышел из-за стола. Надо же такому случиться. Оказывается, старой, но еще добротной доброй деревянной двери уже не осталось места среди тяжелых, агрессивных, пуленепробиваемых, оснащенных видеокамерами всевидящих коллег. Новая жизнь ее просто вычеркнула.

Чтобы успокоиться, он решил пройтись по воздуху и спустился во двор. У подъезда ему повстречался сосед со второго этажа, умудрившийся самым беззастенчивым образом выдвинуть свой балкон на шесть метров вперед, перегородив жильцам путь толстыми металлическими трубами и вынудив их обходить. Снисходительно улыбаясь, он с покровительственным видом сообщил, что готов внести долю Агиля за входную дверь в подъезд, добавив, что намерен менять дверь в свою квартиру на двойную, а прежнюю может продать Агилю по сходной цене. Опешив от услышанного, Агиль не нашелся, что ответить, и, махнув рукой, прошел мимо.

...Ночью ему приснилось сборище обступивших его со всех сторон толстенных металлических дверей, оглушительно гремевших огромными стальными засовами и другими аксессуарами. Они неотступно преследовали его и угрожающе теснили до самого четвертого этажа, готовые раздавить в любую минуту. Он, опередив их на долю секунды, едва успел заскочить домой и захлопнуть за собой спасительную бежевую дверь, слегка перевести дух. Но радость спасения оказалась преждевременной. Одна входная и четырнадцать квартирных разъяренных дверей внезапно обрушились своей безжалостной холодной металлической массой на тоненький, беззащитный дикт, аккуратно зачищенный и свежевыкрашенный в бежевый цвет. Сокрушительной силы удар вмиг разнес все в щепки, оставив зияющую черную дыру.

Агиль закричал от ужаса и проснулся в холодном поту. Бешено колотившееся сердце никак не хотело униматься. Уже придя в себя от пережитого, он не сразу сообразил, что это был просто страшный сон. А когда наконец это осознал и чуть успокоился, ожидаемого облегчения не почувствовал. Неосознанный страх не отступал. Более того, наяву чувство тревожности не ослабевало, а только нарастало, давило, охватывало необъяснимым страхом.